

А. М. СМОРЧКОВ

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В САКРАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ РИМСКОЙ МАГИСТРАТСКОЙ ВЛАСТИ¹

В статье анализируются ритуалы при вступлении в должность высших римских магистратов, совершавшиеся вне Рима, а именно, на Альбанской горе и в Лавинии. Связующим звеном между ритуалами непосредственно в Риме и вне его являлось право ауспиций, которое было религиозной основой магистратской власти в Риме. Ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф, став неотъемлемой частью римского самосознания, закреплялся в религиозно-политическом ритуале, в свою очередь обеспечив удивительную живучесть самих обрядов даже тогда, когда их политическое значение потеряло свою актуальность.

Ключевые слова: *древний Рим, магистратура, легитимация власти, ауспиции, миф, Латинское празднество, Лавиний*

Уникальность римской политической организации, прежде всего республиканской, не подлежит сомнению. Ведь впервые в истории было создано крупное территориальное государство, управляемое коллективной волей. Римский политический гений уже в начале своей государственности проявился в удачной адаптации чужого опыта при умелом и органичном сохранении принципиальных основ собственной идентичности. Конечно, при обращении к столь давним временам трудно, а зачастую невозможно верифицировать сведения античной традиции. Порой на помощь приходит археология, но ее данные не однозначны. Тем не менее, нарративная традиция в купе с археологией весьма близко соответствует тем фактам, которые мы знаем о процессах политогенеза в других ранних обществах. Специфической чертой сакрального оформления возникающей политической власти в Риме стала, на мой взгляд, сакрализация самой власти, а не ее носителей². Эта сущностная черта была унаследована и республиканской магистратурой, выразившись, прежде всего, в особой религиозно-политической значимости процедуры избрания новых руководителей и обретения ими власти.

Обращает на себя внимание, что ряд обязательных актов, совершаемых при вступлении в должность новоизбранных магистратов в Риме, осуществлялся вне Рима, на территории Лация. Особое значение для легитимации новой власти играл ритуал, происходивший на Альбанской горе практически в центре Лация, рядом с местом, где некогда находил-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (№ 19-18-00549).

² Сморчков 2012: 87-89; 142.

ся город Альба Лонга, считавшийся метрополией Рима. Это современная гора Monte Cavo (высотой 950 м) примерно в 20 км к юго-востоку от Рима. Рядом находились еще два общелатинских священных центра – роща (lucus) Ферентины, где проходили собрания латинов, и святилище и роща Дианы Лесной (Nemorensis) со знаменитым «священным царем»³. В начале своего должностного срока консулы, помимо прочих ритуалов, совершаемых в Риме, назначали день Латинских торжеств в честь Юпитера Лагиариса. Дата праздника была подвижной, т.е. оно относилось к *feriae conceptivae*⁴. Решение консулов подтверждал сенатус-консульт (Cic. Fam. VIII. 6. 3). Хотя о нем упомянул лишь Цицерон в частном письме по конкретному поводу, но такая практика была обычной, поскольку именно сенат принимал решение о необходимых священнодействиях и требуемых расходах. Консулы, помимо назначения дня Латинского праздника, осуществляли составлявшие его обряды⁵.

В наши задачи не входит полный анализ Латинского праздника на Альбанской горе и его эволюции, а потому ограничимся обзором основных элементов. Рассматриваемый культ уходит корнями в очень глубокую древность⁶. Начавшись с одного дня, праздник стал справляться четыре⁷ (*Dionys. AR. VI. 95. 3; Plut. Camil. 42*) при живом участии публики. Проходил он не только на Альбанской горе, но также в Риме и других городах. В Риме, в частности, устраивали скачки квадриг на Капитолии (*Plin. NH. XXVII. 45*). Возникнув еще до основания Рима, этот культ на определенном этапе стал важным элементом легитимации новоизбранной высшей власти именно в Риме и сохранил такое значение до самого конца Республики (*Dio Cass. XLVI. 33. 4*). Более того, меняясь и приспособляясь, Латинский праздник отмечался вплоть до полной победы христианства в конце IV в.⁸ Другим примером ритуала, возникшего до основания Рима, но пережившего даже его условное «падение», являются Луперкалии 15 февраля. В их случае причина живучести заключалась в том, что этот праздник, чей характер и цели со временем эволюционировали, стал неотъемлемой частью годового круга народных празднеств независимо даже от его религиозного содержания (он отмечался и после официальной победы христианства), войдя в «плоть и кровь» повседневной жизни. Но и причины долгого бытования Латинского праздника, казалось бы, являвшегося органичной частью полити-

³ Об этих и других религиозных местах в окрестностях Альбы (с опорой на археологические и эпиграфические данные) см.: Stassi 2014: 7-24.

⁴ *Varro. LL. VI. 25; Macr. Sat. I. 16. 6.*

⁵ *Cic. Div. I. 18; Ad Q. fr. II. 4a. 2; Ad fam. VIII. 6. 3; Liv. V. 17. 2; 52. 8; XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLI. 16. 1-3; 5; 7; XLII. 10. 15; 35. 3; XLIV. 17. 8; 19. 4; 21. 3; 22. 16; Dio Cass. XLVI. 33. 4; LIV. 29. 7.* Сводку данных о состоявшихся Латинских празднествах см.: Wernerus 1888: 57-63.

⁶ Подробный анализ см.: Simón 2011: 119-122.

⁷ Wernerus 1888: 22-24; Simón 2011: 117, n. 4. О сомнениях см.: Grandazzi 2008: 583-584; Smith 2012: 272-273.

⁸ Wernerus 1888: 62-63; Samter 1909. Sp. 2216; Simón 2011: 116; 131.

ческой практики, причем республиканской, также имеют религиозное объяснение, о чем пойдет речь далее.

Итак, рассматриваемый ритуал, проходивший довольно далеко от Рима, занимал важное место в религиозно-политической организации собственно Рима. Он уникален уже тем, что в процессии на Альбанскую гору принимали участие все римские должностные лица⁹, включая плебейских трибунов, которые обычно не покидали Рим (*Dionys.* VIII. 87. 6). На время отсутствия магистратов назначался специальный городской префект (*praefectus urbi feriarum Latinarum causa*)¹⁰. Таким образом, территориально политическая власть из Рима перемещалась в сакральный центр Лация, к некогда существовавшему городу Альба Лонга¹¹, который считался прародителем латинских городов. На горе найдены фрагменты составленных при Августе *fast feriarum Latinarum*¹², относящиеся к периоду от 451 г. до н.э. до 109 г. н.э. Внимание к фиксации должностных лиц, проводивших церемонию, опять же подчеркивает политическое значение этого религиозного ритуала.

Вместе с римскими магистратами в священнодействиях участвовали представители общин Лация¹³. Ритуалы демонстрируют ведущее положение Рима: латины возносили молитву за римский народ квиритов (*Liv.* XLI. 16. 1), а свою долю жертвенного мяса (очень важный элемент церемонии¹⁴) просили у римлян (*carnem petere*¹⁵). При всех сложностях верификации данных традиции вряд ли можно усомниться в стремлении Рима уже на ранних этапах утвердить свое религиозно-политическое первенство среди родственных латинов, союз с которыми явился одним из важных факторов римских успехов на первом этапе экспансии. В традиции отражена попытка создать такой центр непосредственно рядом с Римом: Сервию Туллию приписывалось учреждение общелатинского культа Дианы вокруг ее храма на Авентине¹⁶. С этим храмом связан один из элементов «римского мифа», т.е. одно из хрестоматийных знамений грядущего владычества Рима над всем кругом земель, причем в легендарной истории столкнулись римлянин и сабинянин¹⁷.

⁹ *Strabo.* V. 3. 2; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

¹⁰ CIL VI. № 1421 (118 г. н.э.); D. I. 2. 2. 33; *Strabo.* V. 3. 2; *Suet.* Claud. IV. 3; Ner. VII. 2; *Tac.* Ann. VI. 11; *Gell.* XIV. 8. 1; *Dio Cass.* XLI. 14. 4; XLIII. 48. 4; XLIX. 16. 2; 42. 1; LIII. 33. 3; LIV. 6. 6; 17. 2; SHA. IV. 4. 6. Список префектов см.: Wernerus 1888: 47-56.

¹¹ Подробный анализ см.: Grandazzi 2008. Ch. VIII. Les errances d'une ville fantôme ou la localisation d'Albe: 445-514.

¹² CIL. I. Ed. 2: 56-59.

¹³ *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Planc. 23; *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XLI. 16. 1-5; *Dionys.* IV. 49; VIII. 87. 6; *Strabo.* V. 3. 2; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Ср.: De vir. ill. VIII. 2; *Macr.* Sat. I. 16. 16-17; Schol. Bob: 154-155 (Stangl).

¹⁴ *Dionys.* AR. IV. 49. 3; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Нарушения этого ритуала служили одной из причин повторного проведения Латинского праздника: *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4.

¹⁵ *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Pro Planc. 23 (ad loc.: Schol. Bob: 154 (Stangl)).

¹⁶ Ср.: *Liv.* I. 45. 1-3; *Dionys.* AR. IV. 25. 3-6; 26. 1-5; De vir. ill. VII. 9.

¹⁷ Ср.: *Liv.* I. 45. 4-7; *Val. Max.* VII. 3. 1; *Plut.* QR. 4 (*Mor.* 264c-d); De vir. ill. VII. 10-14.

Святилище находилось за чертой померия, что хорошо соответствовало предназначенной ему роли явно в противовес общелатинскому культу Дианы Арицийской рядом с Альбанской горой. Эта попытка не дала прочных результатов в отличие от установления контроля Рима над культом Юпитера Латиариса при одном из Тарквиниев, что было закреплено, по всей видимости, после Первой римско-латинской войны в начале Республики. После выхода экспансии Рима за пределы Лация осуществление Латинского празднества, возможно, трансформировалось в идею более широкой гегемонии¹⁸.

В эпоху Республики Латинское празднество завершало серию обязательных актов, которые должны были исполнить консулы при вступлении в должность, и лишь после осуществления ритуала на Альбанской горе они могли отправиться в свою провинцию¹⁹. Наиболее подробный перечень таких актов, хотя неполный (не упомянут куриатный закон об империи), дает Ливий при описании возмущения сенаторов поспешным отъездом из Рима консула Гаю Фламинию еще до начала своего должностного срока (*Liv.* XXI. 63. 5-11). В этом пассаже Ливий трижды в разных контекстах упоминает необходимость проведения Латинских празднеств (*Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6). Причем в кратком повторе претензий сенаторов к Г. Фламинию (*Liv.* XXII. 1. 6) Ливий оставил только три обязательных религиозно-политических акта, которыми пренебрег консул, и два из них относятся именно к Латинскому празднеству в целом (*Latinis feriis actis*) и к его ключевому обряду в частности (*sacrificio in monte perfecto*). К ним добавлены лишь обеты на Капитолии (*votis rite in Capitolio nuncupatis*). Несмотря на явно риторическую окраску этого пассажа²⁰ сам отбор показателен. В хронологически более близком событии неисполнение этой обязанности консулами 43 г. до н.э. Гаем Вибием и Авлом Пансой, спешившими на войну с Антонием, рассматривалось как причина их гибели (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4-5, ср. XLVII. 40. 6), что можно отнести и к Гаю Фламинию. Причем Дион Кассий, отталкиваясь от конкретного рассказа, делает обобщающее утверждение о неблагоприятном для римлян исходе такого пренебрежения во всех случаях (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4). Соответственно, при нарушениях ритуала или каких-либо знаменьях Латинские празднества повторялись²¹, как и любой религиозный ритуал, ради восстановления «мира с богами».

О значимости изучаемого обряда свидетельствует и уникальный случай, известный из капитолийских фаст, о назначении в 257 г. до н.э.

¹⁸ Simón 2011: 126 (n. 94); 131-132.

¹⁹ *Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLII. 35. 3; XLIII. 15. 3; XLIV. 19. 4; 22. 16; *Dio Cass.* XLVI. 33. 4.

²⁰ Есть сомнения по поводу достоверности приписывавшихся Г. Фламинию нарушений. В частности, Латинское празднество в том году состоялось, причем до гибели Г. Фламиния, что засвидетельствовано в фастах (*CIL.* I. 2ed: 57=VI. № 2012); Wernperus 1888: 20, adn. 2. Впрочем, участвовал ли он сам в них, остается под вопросом.

²¹ *Cic.* Ad Q. fr. II. 4a. 2; *Liv.* V. 17. 2-3; XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XL. 45. 2; XLI. 16. 1-5; 7; *Plut.* Camil. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

диктатора специально для проведения Латинских празднеств (*Latinarum feriarum causa*: СІЛ. I. Ed. 2. P. 24). Это т.н. диктатура с «ограниченным правом» (*imminuto iure*), чьей задачей было исполнение важных религиозно-политических актов. Известны назначения диктаторов для учреждения празднества, проведения религиозных игр, для совершения ритуала «вбития гвоздя» и особенно часто для проведения выборов новых высших магистратов. Все это функции из консульской компетенции, которые по каким-то причинам не могли быть проведены обычным порядком. Что могло помешать консулам 257 г. до н.э. совершить необходимые жертвоприношения на Альбанской горе – совершенно не ясно, ибо год был довольно спокойный, несмотря на шедшую Первую Пуническую войну, а один из консулов (Гн. Корнелий Блазион), возможно, даже провел его в Риме²². Как бы то ни было, назначение диктатора для проведения Латинских празднеств свидетельствует об их особой религиозно-политической значимости, подобно другим случаям назначения диктаторов *imminuto iure*. Это единственное назначение находит параллель в первой диктатуре Цезаря (49 г. до н.э.). Тогда он в качестве диктатора провел Латинские празднества (*Caes. BC. III. 2. 1*), по-видимому, вместо консулов, бежавших вместе с Помпеем. Считается, что в 49 г. до н.э. имела место диктатура *comitiorum habendorum et feriarum Latinarum causa*, хотя официальная титулатура в фастах не сохранилась.

Назначение специального диктатора для Латинского празднества при наличии консулов указывает, что важен был сам факт осуществления этого ритуала, а не конкретный исполнитель – в полном соответствии с высказанной выше гипотезой о сакрализации в Риме власти, а не ее носителей. В пользу этого, казалось бы, говорит общепринятое в историографии мнение, что в исключительных случаях праздник мог осуществиться и один из консулов²³. Но все же следует признать, что однозначные свидетельства относятся только к четырем консульствам Августа, когда новые условия вполне могли допустить некоторые вольности в исполнении древнего культа. Свидетельство Ливия, на которое ссылаются исследователи, упоминает благодарственное празднование Латинского ритуала²⁴ в 169 г. до н.э. в честь одержанной победы, а не собственно обряд в начале консульского года (*Liv. XLV. 3. 2*). Впрочем, возможность проведения Латинских празднеств именно с такой целью (*Liv. XLV. 3. 2; Dio Cass. LV. 2. 5*) может служить дополнительным аргументом в пользу значимости ритуала, а не личности.

Важная роль Латинских празднеств в сакральной легитимации власти в Риме не вызывает сомнений. Но, на наш взгляд, их значение было гораздо шире. Ряд обстоятельств связывали Рим и Лаций, Капитолий и

²² Münzer 1900.

²³ Wernerus 1888: 30-31; Samter 1909; Grandazzi 2008: 577-578 (n. 221); 583; Simón 2011: 125.

²⁴ К тому же не все издатели признают здесь наличие указания на Латинское празднество. См.: Livy 1951: 254.

Альбанскую гору, Юпитера Капитолийского и Юпитера Латинского²⁵. И в первую очередь ауспиции²⁶, право на которые являлось религиозной основой магистратской власти в Риме. Капитолийский холм как самая высокая точка Рима занимал особое место в теории и практике ауспиций: важнейшие из них проходили именно здесь. На одной из его вершин (Arx) находился *auguraculum*²⁷ – место, специально предназначенное для авгурских гаданий, а напротив – еще один *auguraculum*, на отроге Квиринала под названием *Latiaris* (*Varro. LL. V. 52*). Такой же эпитет имели и почитавшийся на Альбанской горе Юпитер²⁸, и Латинский праздник²⁹, и, возможно, сама гора³⁰. Ось авгурских наблюдений при гадании протягивалась от Капитолия как раз к Альбанской горе³¹, самой высокой точке центрального Лация, объединяя две вершины (и двух Юпитеров, Капитолийского и Латинского) в единое сакральное целое³².

Еще один ритуал с ауспикальными коннотациями связывал две возвышенности, Капитолийскую и Альбанскую – церемония триумфа³³. Военачальник имел право осуществить триумф в силу своего империя, если одержал победу под собственными ауспициями, т.е. был верховным главнокомандующим. Обряд имел очень древние корни. Конечным пунктом триумфальной процессии в Риме был Капитолий. Но в 231 г. до н.э. консул Г. Папирий Масон, не получив согласия сената на триумф, провел его самостоятельно в силу полномочий своего империя на Альбанской горе³⁴, которая стала конечным пунктом его триумфальной процессии. Хотя такой триумф (альбанский) был менее торжественным и значимым (*Polyb. VI. 15. 7-8*) – хотя бы потому, что проходил не на глазах жителей Рима, – и просуществовал этот обычай относительно недолго (последний известный случай относится к 172 г. до н.э.³⁵), тем не менее, он вносился в триумфальные фасты (сохранились упоминания за 231, 197 и 172 гг. до н.э.). Такое признание дает основания для предположения о том, что первоначально триумфальное шествие направлялось

²⁵ О некоторых общих моментах см.: Wissowa 1912.

²⁶ Подробный анализ ауспикального значения Альбанской горы с рядом смелых гипотез см.: Grandazzi 2008: 608-613.

²⁷ *Fest.* 17L, s.v. *auguraculum*

²⁸ *Liv. XXI. 63. 8; Lucan. Phars. I. 198; Suet. Cal. XXII. 2; Dio Cass. LIX. 28. 5; Serv. auct. Ad Aen. XII. 135; CIL. XIV. № 2227 etc.*

²⁹ *Cic. Ad Q. fr. II. 4. 2; Dio Cass. XLVII. 40. 6; Macr. Sat. I. 16. 6.*

³⁰ *Cic. Pro Mil. 85.* Хотя эпитет в этой фразе может относиться к Юпитеру, а не к горе.

³¹ Grandazzi 2008: 599 (n. 314); 608-609 (n. 360); Pl. 20 (схема иллюстрирующая ориентацию на Альбанскую гору знаменитого мраморного плана Рима эпохи Северов *Forma Urbis*). См. также связанный с этим судебный казус: *Val. Max. VIII. 2. 1.*

³² Simón 2011: 127-128; Smith 2012: 276.

³³ Wissowa 1912. S. 125.

³⁴ *CIL. I. 2ed: 173* (с указанием, что это «первый» (*primus*) триумф на Альбанской горе); *Val. Max. III. 6. 5; Plin. NH. XV. 126.* Ср.: *Fest.* 131L, s.v. *murtea corona.*

³⁵ *CIL. I. 2ed: 175; Liv. XLII. 21. 6-7.* Другие альбанские триумфы: М. Клавдия Марцелла в 211 г. до н.э. (*Liv. XXVI. 21. 6; Val. Max. II. 8. 5; Plut. Marcel. 22; De vir. ill. XLV. 6*) и Кв. Минуция Руфа в 197 г. до н.э. (*CIL. I. 2ed: 174; Liv. XXXIII. 23. 3*). Обобщающее замечание: *Liv. XLV. 38. 4.*

на Альбанскую гору, позже послужив образцом для собственно римского триумфа³⁶. И опять же мы видим религиозную связь с политическими коннотациями, которая объединяет обе вершины в единое целое.

Для осуществления триумфа требовался особый тип ауспиций – «военные ауспиции» (*auspicia militiae*). Их получали магистраты с империем (т.е. полководцы) для ведения войны. И действовали эти ауспиции вне померия, в отличие от городских ауспиций (*auspicia urbana*), распространявшихся на территорию внутри него³⁷. Двуетность консульского права на ауспиции, на первый взгляд, соответствовавшая двуетной целостности авгурского наблюдения на Капитолии и Альбанской горе, породила привлекательную гипотезу, которую предложил А. Грандацци и поддержал Фр. Марко Симон. По их мнению, после осуществления городских ауспиций (*auspicia urbana*) на Капитолии, в результате чего инаугурировалась власть над Римской республикой, новый консул должен был совершить вторую ауспикацию на Альбанской горе, чтобы инаугурировать свой империй над *ager Latinus*, т.е. над территорией, которая долгое время символизировала внешний мир для Города³⁸.

При всей привлекательности этой гипотезы все же нельзя не признать, что право на империй и ауспиции консулы обретали непосредственно в Риме, а уже в силу этих полномочий осуществляли Латинское празднество. В своих исследованиях я пришел к выводу, что право на ауспиции появлялось в ходе двух ауспикальных процедур на электро-альных комициях (перед их началом и при объявлении победителей)³⁹. Но до момента вступления в должность новых магистратов их право на ауспиции находилось в «спящем» виде. Оно автоматически активировалось в день вступления в должность, но для полной легитимации власти требовалось совершить ряд действий – они заключались в практическом применении права на ауспиции. Начинался первый день должности с совершения традиционных ауспиций для получения одобрения богов действиям консулов в данный день⁴⁰. Прямо об этом сообщает только один греческий автор, но получение ауспиций перед каждым важным делом было обязательным правилом римской политической практики. Затем консулы с соответствующими молениями посещали храм Юпитера Капитолийского, где приносили в жертву быков во исполнение обета предыдущих магистратов⁴¹. Видимо, тогда же по печени принесенных в жертву быков они по отдельности гадали о своем консулате⁴². Также

³⁶ Simón 2011: 118, n. 21.

³⁷ Varro. LL. V. 143; Messala ap. Gell. XIII. 14. 1.

³⁸ Grandazzi 2008: 610; Simón 2011: 125 (cf. 132). Фр. Марко Симон вынес эту идею даже в заглавие написанной им главы, посвященной Латинскому празднеству: «Feriae Latinae как религиозная легитимация консульского империя».

³⁹ Сморчков 2012: 63-106.

⁴⁰ Dionys. II. 6. 1-3. Ср.: Cic. Div. II. 74; Ovid. Ep. ex Ponto. IV. 4. 38.

⁴¹ Liv. XXI. 63. 7-8; Ovid. Fast. I. 79-84; Ep. ex Ponto. IV. 4. 29-32; 9. 5; 29-30; 49-50; App. BC. III. 50.

⁴² Liv. XLI. 14. 7; 15. 1-4. Ср.: Liv. XLII. 28. 7; 30. 8; Cic. De leg. agr. II. 93.

после совершения ауспий консулы собирали сенат на первое заседание и созывали куриатные комиции для проведения закона о своем империи⁴³. И только затем проводилось Латинское празднество, завершая серию актов, сопровождавших вступление консулов в должность.

Вариант гипотезы Грандацци-Симона – идея Хр.Дж. Смита о военном контексте Латинского празднества: оно выступало как параллель куриатному закону об империи, без которого магистрат не мог праздновать триумф⁴⁴. Видимо, речь идет о получении полномочий действовать вне померия. По мысли Смита, империй римских магистратов вследствие двух актов включал в себя власть над Римом (по куриатному закону), полномочия вне Города (в результате обрядов на Альбанской горе) и право на триумф. Однако куриатный закон являлся скорее актом политическим с религиозными коннотациями (без них немыслим в Риме никакой политической акт), а ритуал на Альбанской горе – религиозным с политическими коннотациями, это разные процедуры, как и их результаты, а потому их сопоставление не вполне оправдано. Уже упоминалось отсутствие куриатного закона в перечне «прегрешений» Гая Фламиния у Ливия, хотя этот закон он не проводил, так как до своей гибели в Риме так и не появился. Куриатный закон не провели консулы 54 г. и 49 г. до н.э., из-за чего впоследствии столкнулись с проблемами политического характера⁴⁵. Но нигде нет даже намека на нарушение тем самым «мира с богами», что имело место в случае нарушения процедуры Латинского празднества и, тем более, полного игнорирования этого ритуала. Что касается права на триумф, то неизвестно, насколько наличие куриатного закона было обязательным условием. Этот вывод скорее вытекает из общих логических соображений (вполне убедительных), но достоверно известно, что религиозной основой права на триумф являлись «военные» ауспии⁴⁶, о которых Смит вообще не упоминает, а эти ауспии магистраты получали внутри померия, очевидно, на Капитолии⁴⁷. Ведь при пересечении померия внутрь сакрального пространства города Рима магистраты теряли ауспии и империй⁴⁸, предоставленные для действий вне его, а значит, они теряли и основанное на этих полномочиях право на триумф⁴⁹. Таким образом, и для Альбанского триумфа религиозно-правовые основания магистрат обретал в Риме.

⁴³ Сморчков 2012: 47.

⁴⁴ Smith 2012: 276-278.

⁴⁵ Сморчков 2012: 41; 48; 95.

⁴⁶ Анализ см.: Сморчков 2014: 205-217.

⁴⁷ *Liv.* XXI. 63. 9: ...auspicato profectus in Capitolium ad vota nuncupanda, paludatus inde cum lictoribus in provinciam iret (ср. 7). Возможно, о том же говорится в цитате из сочинения автора I в. до н.э. Цинция: *Fest.* 276L, s. v. praetor.

⁴⁸ См. показательную историю 215 г. до н.э.: *Liv.* XXIV. 7. 10–9. 3 (особ. 9. 1-2, ср. 7. 11). См. также: D. I. 16. 16; *Cic.* Ad fam. I. 9. 25; Ad Att. VII. 7. 4; *Liv.* XXVI. 9. 10; 21. 5 (ср. 1); XLV. 35. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 63. 4 (ср.: *ibid.* 65. 1; XL. 50. 2; XLI. 3. 3; 15. 2; 16. 1; LV. 8. 1-2).

⁴⁹ Самый известный пример относится к Цезарю: *Suet.* Caes. 18; *Plut.* Caes. 13; Cato Min. 31; *App.* BC. II. 8; *Dio Cass.* XXXVII. 54. 1-2.

На мой взгляд, ауспикальная связь Капитолия и Альбанской горы имела не бинарный характер, как предполагают гипотезы, согласно которым ритуалы дополняли друг друга, создавая сакральную основу магистратской власти в двух областях (внутренней и внешней). Связь этих обрядов – важных элементов магистратской инвеституры – была линейной, а линия состояла из трех элементов, объединенных теорий общественных ауспий. Третьим был еще один ритуал, также осуществляемый в Лации за пределами городской территории Рима в начале консульского срока: консулы (а также преторы и диктаторы) совершали священнодействия (*rem divinam faciunt*) Пенатам и Весте в городе Лавинии⁵⁰. Возможно, эти же магистраты осуществляли их и при сложении полномочий (*Serv. auct. Ad Aen. II. 296*), но здесь не исключена ошибка переписчика, поскольку информация весьма схожа, а сказуемые (*adeunt/abeunt*) отличаются лишь одной буквой⁵¹. В ритуалах в Лавинии участвовали также понтифики и фламины (*Serv. Ad Aen. I. 239; VIII. 664*).

По преданию, Лавиний был основан Энеем⁵². Здесь обнаружен героон IV в. до н.э., посвященный, согласно нарративной традиции, Энею (*Dionys. AR. I. 64. 1*). В нем находится могила VII в. до н.э., а рядом с Лавинием найдена надпись «*Lare Aenia d(ono)*» («в дар Лару Энею») ⁵³. В Лавинии Эней поместил троянские Пенаты, так что этот город стал религиозной метрополией Рима⁵⁴, его религиозным «сердцем». Впрочем, не только для Рима, но и для всего Лация, как следует из надписи эпохи императора Клавдия (*CIL. Vol. X. № 797: sacra principia populi Romani Quiritium nominisque Latini quai apud Laurentis*⁵⁵ *coluntur*). Религиозное значение Лавиния обуславливалось тем, что троянские Пенаты так и остались в нем: по легенде, две попытки перенести их в Альба Лонгу, основанную сыном Энея Асканием-Юлом, оказались неудачными, ибо Пенаты неизменно сами возвращались в Лавиний⁵⁶. Так что ритуалы в Лавинии и в Альба Лонге имели между собой некоторую легендарную связь, о которой упоминает Ливий в составленной им речи Камилла (*Liv. V. 52. 8*). Но, возможно, они были связаны и хронологически, т.е. их проводили друг за другом (сначала Латинский праздник)⁵⁷. Насколько строго обязательны были ритуалы в Лавинии – сказать слож-

⁵⁰ *Liv. V. 52. 8; Macr. Sat. III. 4. 11; Serv. Ad Aen. III. 12*. Ср. легендарное жертвоприношение Ромула и Тита Тация в Лавинии (*Liv. I. 14. 2; Dionys. AR. II. 52. 3; Plut. Rom. 23*) и неудачное жертвоприношение там же консула 137 г. до н.э. Г. Гостилия Манцина (*Liv. Per. 55; Val. Max. I. 6. 7; Obs. 24*).

⁵¹ Историографию и анализ вопроса см.: Pina Polo 2011: 105-106.

⁵² Краткий, но содержательный обзор религиозного значения и сакральных мест Лавиния см. опубликованную лекцию: Malavolta 2016.

⁵³ САН 2008: 60-61. О проблемах, связанных с прочтением надписи, см.: САН 2008: 61, n. 7; Malavolta 2016: 4. Фотографии надписи и героона: Malavolta 2016. Fig. 3; 20; 21.

⁵⁴ *Varro. LL. V. 144 (nam ibi dii Penates nostri); Plut. Coriol. 29*.

⁵⁵ Лаврент – другое название Лавиния: Philipp 1924. Sp. 1008-1009.

⁵⁶ *Dionys. AR. I. 67. 1-2; Val. Max. I. 8. 7; Aur. Vict. Or. gent. Rom. XVII. 2-3; Serv. auct. Ad Aen. III. 12*.

⁵⁷ Pina Polo 2011: 107.

но, в отличие от Альбанской церемонии, совершение которой не раз подчеркивалось как неперемное условие легитимации высшей власти. Ливий практически молчит по этому поводу, упомянув обряды в Лавинии лишь два раза и без указания на связь со вступлением в должность, в контексте рассказа о правлении легендарного Ромула и в сочиненной им речи Камилла в перечне религиозных устоев Рима (*Liv.* I. 14. 2; V. 52. 8). Впрочем, и важнейший элемент легитимации высшей власти – куритатный закон об империи – в сохранившейся части его труда упомянут лишь один раз, и то в связи с необычной ситуацией (дурное предзнаменование) при получении власти диктатором (*Liv.* IX. 38. 15; 39. 1). Так что вопрос о значимости Лавинийского празднества остается открытым.

При всех высказанных сомнениях предстает весьма интересная картина пространственного переноса права ауспиций, краеугольного в римской религиозно-политической организации. В традиции изначально местом их бытования являлся Лавиний, наследником которого стала Альба Лонга, а ей, в свою очередь, наследовал Рим. Ауспиции, получаемые магистратом в Риме, служили основой его действий и внутри (напрямую), и вне Рима (через получение в Риме же военных ауспиций), не нуждаясь в дополнительном подтверждении на внешней территории. Но это не отменяло важного значения происхождения ауспиций, их метрополии. В итоге Рим не замещал, а продолжал сакральную традицию, став в религиозно-политическом отношении «Третьим Лавинием». Другими словами, не было противопоставления «Рим–Лаций», а только единое пространство, внутри которого перемещался религиозно-политический центр. При таком взгляде италийская основа римской государственности выявляется в новом свете и гораздо полнее.

Таким образом, ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф закреплялся в религиозно-политическом ритуале, обеспечивая его удивительную живучесть даже тогда, когда его политическое значение потеряло свою актуальность. Ведь эти обряды, восходящие к латинскому единству, продолжали соблюдаться и после ликвидации римско-латинского союза в 338 г. до н.э., и даже после краха Республики. Одним консерватизмом религиозно-политической сферы это не объяснишь, тем более что осуществление их занимало значительное время в рамках консульского года. Римляне умели находить формально удовлетворительное решение для тех религиозных обычаев, которые не вписывались в новые политические реалии. Но в данном случае Латинское празднество оказалось тесно связанным с мифологическим прошлым Рима, став неотъемлемой частью римского самосознания. Это прошлое оставалось неизменным при всех политических переменах и революциях, воплощаясь и обретая актуальность в ритуалах праздника и в маленькой общине, и в державе эпохи Республики, и в монархическом Риме.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Сморчков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. [Smorchkov A.M. *Religiya i vlast' v Rimskoy Respublike: magistraty, zhretsi, khramy*. М.: RGGU, 2012].
- Сморчков А.М. Ауспиции и триумф: казус П. Корнелия Сципиона (206 г. до н.э.) // *Lanterna nostra*. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205-217. [Smorchkov A.M. *Auspitii i triumph: kazus P. Korneliya Stipiona* (206 g. do n.e.) // *Lanterna nostra*. К yubileyu Ii Leonidovny Mayak. SPb.: Aleteya, 2014. S. 205-217].
- САН (Cambridge Ancient History). Vol. 7. P. 2. Cambridge: C.U.P., 2008. 771 p.
- Grandazzi A. *Alba Longa, histoire d'une légende*. Recherches sur l'archéologie, la religion, les traditions de l'ancien Latium. 2 vol. Rome: École française de Rome, 2008. 988 p.
- Livy. LCL. Vol. XIII. Camb., Mass.: Harvard University Press, 1951. 425 p.
- Malavolta M. *Lavinium: la prima Roma*, 2016. 33 p.
- Münzer. *Cornelius* (№ 73) // RE. Halbbd. 9. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1900. Sp. 1271-1272.
- Philipp. *Lavinium* // RE. Halbbd. 23. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1924. Sp. 1007-1012.
- Pina Polo Fr. *Consuls as curators pacis deorum* // *Consuls and Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 97-115.
- Samter E. *Feriae Latinae* // RE. Bd 6. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1909. Sp. 2213-2216.
- Simón Fr. M. *The Feriae Latinae as religious legitimation of the consuls' imperium* // *Consuls and Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: C.U.P., 2011. P. 116-132.
- Smith Chr. J. *The Feriae Latinae* // *Greek and Roman Festivals: Content, Meaning and Practice*. Ed.s J. R. Brandt and J. W. Iddeng. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 267-288.
- Stassi S. *La presenza del sacro nel territorio albano* // *Res sacrae*. Santuari e luoghi di culto nei colli albani. Atti del XXXI Corso di Archeologia e Storia Antica del Museo Civico Albano. Albano Laziale (Roma), 2014. P. 7-26.
- Wernerus Chr. *De feriis Latinis*. Leipzig: Coloniae typis J.P. Bachemii, 1888. 63 p.
- Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. Aufl. 2. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1912. 612 S.
- Сморчков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, Институт восточных культур и античности РГГУ и ВШЭ; профессор кафедры всеобщей истории РАНХиГС, smorchkovtuber@yandex.ru

Mythological tradition and sacral legitimation of Roman magistrates' power

This article analyzes the rituals, which took place outside Rome, on the Alban Mount and at Lavinium, but were related to the inauguration of the higher Roman magistrates. Relationship between the rituals, that were carried out in Rome and outside the city, was based on the right of auspices, which was the religious foundation of magistrates' power in Rome. Rituals put into practice outside Rome at the beginning of the administrative year represent the motion both in mythological and real space, going back to the sacral origins of the Roman state (from Rome via Alba Longa to Lavinium). Thus, ancient myth, an integral part of the Roman identity, was fixed in the religious and political ritual, in its turn providing an amazing vitality of the rituals themselves even when their political significance had lost any relevance.

Keywords: ancient Rome, magistracy, legitimation of authority, auspices, myth, Latin festival, Lavinium

Andrei Smorchkov, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities and Higher School of Economics; Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, smorchkovtuber@yandex.ru